

4. Коршунова О. Н. Актуальные вопросы повышения эффективности подготовки квалифицированных прокурорских работников // Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции 2–3 октября 2015 года. СПб. : Санкт-Петербургский ин-т проектного менеджмента. 2016. С. 194–196.

5. Мартанус Р. В. Социальное управление: кадры и кадровая политика : монография. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 141, [3] с. (Научный коммунизм).

6. Средства прокурорской деятельности: проблемы теории и практики : монография / кол. авторов. М. : КноРус, 2019. 268 с.

УДК 343.98

Загрядская Екатерина Александровна,
старший преподаватель,
Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Zag.ea@mail.ru

Судебный контроль как метод минимизации рисков в деятельности следователя

В статье предпринята попытка ответить на вопрос: является ли судебный контроль средством минимизации рисков в деятельности следователя. Автор рассматривает значение судебного контроля на предварительном следствии, анализирует, насколько этот уголовно-процессуальный институт минимизирует риски, возникающие у следователя при реализации им своих полномочий, и делает соответствующие выводы.

Ключевые слова: судебный контроль, следственные действия, минимизация рисков, полномочия следователя, ситуация риска, заключение под стражу, ходатайство следователя.

Zagryadskaya Ekaterina Alexandrovna,
senior lecturer, Nizhny Novgorod branch
of Saint Petersburg state University
Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

Judicial control as a method of minimizing risks in the activities of the investigator

The article attempts to answer the question: is judicial control a means of minimizing the risks in the activities of the investigator. The author examines the importance of judicial control in the preliminary investigation, analyzes how this criminal procedure institution minimizes the risks arising from the investigator in the exercise of his powers, and makes appropriate conclusions.

Keywords: *judicial control, investigative actions, minimization of risks, powers of the investigator, a situation of risk, detention, the petition of the investigator.*

В уголовно-процессуальном механизме, обеспечивающем деятельность правоохранительных органов по привлечению лица к уголовной ответственности (уголовное преследование), одним из важнейших элементов является судебный контроль.

Правовая основа института судебного контроля заключена в ст. 46 Конституции Российской Федерации, где определяется, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч.1), решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (ч. 2).

Определяя, что такое судебный контроль, сошлемся на позицию авторитетных ученых-процессуалистов. Н. Н. Ковтун считает, что – это система предусмотренных процессуальным законом средств, направленных на реализацию конституционных функций судебной власти, призванных в конечном итоге к недопущению незаконного и необоснованного ограничения прав личности в уголовном процессе, к ее восстановлению в этих правах либо возможной их компенсации средствами права [2, с. 14]. Судебный контроль в российском уголовном процессе осуществляется в нескольких формах или направлениях: 1 – принятие судом решений, связанных с ограничением свободы; 2 – принятие судом решений о производстве отдельных следственных действий; 3 – обжалование действий и решений органов предварительного расследования и прокурора [5, с. 98].

В настоящей статье не будут рассматриваться вопросы об усилении или расширении судебного контроля на стадии предварительного следствия. На эти темы есть немало научных публикаций, наша задача в рамках настоящей статьи ответить на вопрос: является ли судебный контроль методом (средством) минимизации рисков в деятельности следователя.

Чтобы проанализировать уголовно-процессуальные механизмы действия судебного контроля в контексте его превентивного значения, обратимся к такому процессуальному действию следователя как избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, которая назначается судом по ходатайству следователя. В соответствии со статьей 97 УПК РФ следователь в пределах предоставленных ему полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом. Таким образом, закон ставит следовате-

ля перед выбором определенного типа поведения, или иными словами он оказывается в ситуации риска принятия как «правильного», так и «неправильного» решения.

Принимая решение, о ходатайстве перед судом об избрании меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, следователь, в первую очередь, должен четко для себя уяснить, какую цель он желает достичь в результате этого действия, чем вызвано его решение, возможно ли обойтись в данном конкретном случае без заключения под стражу и какие негативные последствия могут наступить в случае отказа от применения им данной меры процессуального принуждения?

Ответив на эти вопросы, и приняв решение о необходимости изоляции обвиняемого или подозреваемого на период предварительного следствия, следователь с согласия руководителя следственного органа, выносит мотивированное постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу. Таким образом, он уже принимает на себя, все отрицательные последствия своих действий, то есть риски. А далее в этот процесс включается суд, осуществляющий судебный контроль, цель которого состоит в рассмотрении ходатайства органа предварительного следствия, и принятие по нему решения. Судебному контролю подвергается как законность, так и обоснованность решения следователя.

Как видно из ч. 1 ст. 108 УПК судья, давая согласие на заключение лица под стражу, должен указать конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Это означает, что в этих случаях предметом разбирательства является наличие не только формальных, но и фактических оснований для принятия процессуального решения.

Постановление следователя должно быть обоснованным и мотивированным, поскольку ч. 3 ст. 108 УПК РФ специально подчеркивает, что в постановлении, содержащем ходатайство о заключении под стражу, излагаются мотивы и основания, в силу которых возникла необходимость в применении этой меры. Требование обоснованности вышеуказанного постановления, также, несомненно, должно соблюдаться органами расследования не только для того, чтобы избежать ограничения прав граждан, но и потому, что в противном случае суд будет лишен возможности правильно разрешить их ходатайство [3].

Казалось бы, вот он метод (средство) минимизации рисков следователя. Его решение еще раз перепроверяется, и в процессе этой проверки исключаются все негативные последствия. То есть следователь как бы передает, а судебная инстанция принимает на себя ответственность за риски. Однако так ли это? Предположим, что суд не согласился с доводами следователя и отказал в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого или подозре-

реваемого. Сам факт привлечения лица к уголовной ответственности не может влечь за собой обязательного заключения под стражу. Мера пресечения принципиально отличается от уголовного наказания, тем, что она не находится в прямой зависимости от тяжести содеянного подозреваемым обвиняемым, а ее применение имеет цель обеспечить ход предварительного расследования и судебного разбирательства в будущем. Полагаем можно согласиться с мнением ряда авторов, о том, что неприменение меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии расследования уголовного дела, даже если лицу в дальнейшем было назначено наказание в виде лишения свободы, не должно рассматриваться как отрицательное явление, в частности, как судебная или следственная ошибка [1, с. 121].

По-другому ситуация будет оцениваться, когда неприменение судом меры пресечения в виде заключения под стражу привело к наступлению таких негативных последствий как совершение лицом нового, зачастую более тяжкого преступления (рецидив преступлений); уклонение от явки к следователю или в суд; угрозы свидетелям, потерпевшим и другим участникам уголовного судопроизводства. По данным Следственного комитета Российской Федерации, начиная с 2008 года и по настоящее время, скрылись от следствия 185 обвиняемых по делам Следственного комитета, в отношении которых суд отклонил ходатайства об аресте. Из них 25 человек, находясь в розыске, вновь совершили преступления [4]. В этом случае мы можем говорить о негативном последствии принятого судом решения. Однако негативные последствия наступают не для суда, а для следователя или других участников уголовного судопроизводства.

Например, если подозреваемый или обвиняемый, испугавшись уголовной ответственности, «пустился в бега» (т. е. скрылся от органов предварительного следствия и суда), следователь, объявив его в розыск, вынужден приостановить производство по уголовному делу. В результате страдают не только интересы органов предварительного следствия, выраженные в окончании предварительного следствия в разумный срок, но и интересы потерпевшего, выраженные в скорейшем восстановлении нарушенных в результате совершения преступления прав.

И вот еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться. Анализ положений статьи 108 УПК РФ показывает, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу законодатель напрямую связывает с необходимостью наличия достоверных данных, подтверждающих факт обоснованности подозрения, или обвинения в совершении предусмотренного законом уголовного деяния определенной тяжести. То есть, суд при решении вопроса о заключении лица под стражу должен исследовать не только «вопрос права» (формальные основания для принятия указанных решений), но и «вопрос факта» – наличие минимального набора доказательств инкриминируемого лицу подозрения или обвинения. Вот почему «вопрос факта» крайне важен для принятия судебного решения, поскольку

в обоснование своего репрессивного решения он ссылается на квалификацию инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому следствием деяния, обращая особое внимание на его тяжесть или особую тяжесть. Вместе с тем, при рассмотрении судьей ходатайства следователя, в судебном заседании, помимо прокурора, участвуют обвиняемый (подозреваемый), его защитник, представители несовершеннолетних обвиняемых подозреваемых. Суд, исследуя в судебном заседании имеющиеся в уголовном деле доказательства, обосновывающие подозрение, делает их достоянием, в том числе и стороны защиты. А такое оглашение показаний свидетелей или подозреваемых, на ранних этапах предварительного следствия, ставит следователя перед новыми рисками и возможностью наступления негативных последствий, таких как, например, изменение показаний свидетелями под давлением обвиняемого (подозреваемого). И в этом случае процедура судебного контроля не только не минимизирует риски в деятельности следователя, но и открывает новые «их перспективы».

Так является ли судебный контроль методом минимизации рисков в деятельности следователя или нет?

Напомним, что законодатель в ч. 2 ст. 38 УПК РФ наделяет следователя значительными полномочиями по направлению хода расследования, производству следственных и иных процессуальных действий, которые составляют юридическую основу процессуальной самостоятельности следователя. Обеспечение процессуальной самостоятельности следователя имеет огромное значение при выполнении задач предварительного следствия. Представление самостоятельности важно и тем, что таким образом на следователя возлагается ответственность за ход и результаты расследования, а также все риски и возникающие негативные последствия его деятельности. Судебный контроль – является, конечно же, дополнительной призмой, через которую рассматриваются процессуальные решения следователя, им дается дополнительная юридическая оценка. Однако назвать его методом минимизации рисков и выступать за то, чтобы подвергнуть судебному контролю всю деятельность следователя, дабы исключить негативные последствия, в том числе и связанные с нарушением прав и свобод человека, мы бы не стали.

При оценке целесообразности и правильности любого решения, принимаемого в условиях риска, в том числе и решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, следователем самостоятельно должны быть соблюдены не только нормативно закрепленные предписания закона, но и морально-этические принципы. В этом случае он сможет избежать негативных последствий и обеспечить баланс, по крайней мере, трех групп интересов: интересов подозреваемого, выраженных в защите от необоснованного и незаконного уголовного преследования, от несоразмерности применяемых к нему мер принуждения и тяжести, характера совершенного преступления и данных о его личности; интересов потерпевшего, выраженных в скорейшем восстановлении нарушенных в результате со-

вершения преступления прав и в исключении всяческого рода воздействия на него в ходе предварительного следствия со стороны подозреваемого (обвиняемого); интересов органов предварительного следствия, выраженных в окончании предварительного следствия в разумный срок, недопущении осуществления уголовного преследования в отношении невиновного, охране прав потерпевшего.

Библиографический список

1. Ильин И. В. Задержание, заключение под стражу и критерии ограничения прав личности // Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: тезисы научной конференции. СПб., 1996. С. 124–128.
2. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. 331 с.
3. Сыдыкова З. Д. Судебный контроль как средство выявления и устранения следственных ошибок // Universum: Экономика и юриспруденция. 2016. № 5(26). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/3114> (дата обращения: 26.11.2019).
4. Тюремный портал России. URL: <http://prisonlife.ru> (дата обращения: 28.11.2019).
5. Яценко С. С., Иванченко Е. А. Судебный контроль на досудебном производстве по уголовным делам // Право: современные тенденции : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017). Краснодар : Новация, 2017. С. 98–101.

УДК: 342.8

Зайцева Ольга Олеговна,

студент, Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
stupnikova1998@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,

кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственной университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru